

УРОКИ МУЖЕСТВА

Книга прозы Сергея Баруздина «Само собой», в которую вошли такие уже известные читателю произведения, как «Елизавета Павловна», «Тоня из Семеновки», «Два измерения, или Вариации на медицинские темы», и другие, открывается его новой большой повестью, давшей название этому сборнику. Повесть «Само собой. Из жизни Алексея Горскова» была напечатана в 1980 году в журнале «Москва».

Не так давно С. Баруздин, обладающий художественным даром писать для читателей всех возрастов, так сформулировал в печати свою эстетическую позицию: «...из обихода современной прозы нельзя изъять конфликт истинно трагический, драматический. Да и вообще, думаю, без трагедии нет настоящей искусства — литературы ли, живописи, кино или музыки. В каких бы социальных условиях ни рождалось искусство».

Новая повесть Сергея Баруздина дает полную возможность сопоставить этот писательский взгляд с художественной тканью произведения. Мне кажется, что соответствие здесь полное. Баруздин рисует своего главного героя большей частью в условиях Отечественной войны. Здесь, разумеется, полный простор для описания острейших конфликтов и трагических ситуаций. Но здесь, по сути дела, и происходит рождение Алексея Горскова как личности, как подлинного художника. И что всего дороже — образ его ассоциативен.

И не случайно в финале повести автор, как бы подводя итог

исканиям своего героя, повторяет буквально свой тезис о конфликте. А в самых последних строках повести заявляет еще категоричнее: «Академия, училище, студия — все само собой. Но не будь Отчужденной, не стал бы художником».

Острюжетная повесть Баруздина очень своеобразна, многосторонне емка. При всей суровости окрашена лиризмом. Основа ее — документальность и глубокий подтекст.

Повесть начинается с афористических цитат из монографии об Алексее Горскове — народном художнике, действительном члене Академии художеств. Среди них есть такая: «Без биографии нет человека, а художника — тем более». Именно поэтому автор обращается к ретроспекции, высвечивая становление характера своего героя — характера неординарного, дающего повод к широкому художественному обобщениям.

Ленинградский парень Алеша Горсков мечтал о службе в Красной Армии. Ему хотелось пойти по стопам отца, ушедшего добровольцем на финскую войну и погибшего в боях. Но, с детства тянувшийся к рисованию, он волею судьбы попадает в знаменитую Академию художеств. В 1940-м, когда обострилась для СССР опасность войны, Алеша, недоучившись, бросает академию, идет служить в Красную Армию. Оказался он в приграничном районе Западной Украины, 96-я горнотрелковая дивизия, 140-й артиллерийский полк. До армии успел он написать

картину «Каторжный труд лесорубов в царской России». Ее даже купили. Но друг по академии художник Федотов сказал Алексею горькую правду: «Не пережито, по-моему». Акварели же его похвалил. Хвалил и плакаты, созданные во время финской.

С академией Алексей Горсков расстался без сожаления. Здесь сказался, как позже оценил он сам, его «пустой снобизм», «ничемный и неумеренный нигилизм», за которым «не стояло ничего, кроме обманчивого всемогущества молодости, отсутствия настоящей образованности, а главное, знания жизни». Ему казалось, что занятия в академии превращались в бессмыслицу, в повторение пройденных аздов.

Выводит героя из творческого тупика сама жизнь, суровая действительность кровопролитной войны. Здесь, на войне, находит Алексей — что и требуется для художника — такую натуру, какую, говоря словами А. М. Горького, застигают врасплох и отнюдь не в позах прелестного фотографического снимка. Так постепенно создает он рисунки, картины, все более и более достойные мастера. И вот по стечению обстоятельств Алексей Горсков встречает на фронте Федотова. И теперь, в вихре войны, посмотрев на картину «Предатель», написанную Алексеем в редкие часы военного затишья, тот с удивлением говорит:

«Это — настоящее! И, боже, как ты вырос от того «Каторж-

ного труда...» Ведь это небо и земля. Ты потряс меня!» А потом, поглядев другую работу Алексея с названием «Спящая девушка», добавил: «Прелесть! И посмотри, какой ты разный. Эта «Девушка», и рядом «Предатель», и тот же твой плакат. Это хорошо, Алеша, очень, очень хорошо! Признаться, даже не ожидал от тебя. Ты природный колорист, с видением мира, начисто лишенным плоской натуралистичности, как бы ни была сильна твоя тяга к конкретности и убедительности изображаемого. Я бы так не смог...».

Описание хода самой войны, фронтового быта — не самоцель для Сергея Баруздина. Он пишет об этом лишь в той мере, какая нужна ему для сюжетных коллизий. Иногда ему достаточно и беглой информации. Читая повесть, и порой приходит мысль, что изображение войны понадобилось автору прежде всего потому, что в условиях войны, как нигде, быстро распознаются люди, видится, чего стоит тот или иной человек.

При всем том на правах участника Великой Отечественной войны, воевавшего и на Юго-Западном фронте (где происходят важные события повести), должен сказать, что пишет о войне Баруздин честно и художественно достоверно. Вспоминаю строки А. И. Брежнева из его «Малой земли» о природе подвига. Имею в виду его мысль о храбрости не картинно-героической, а неброской, скромной, особенно ценимой автором «Войны и мира». Раскрывая «толстовское понимание» сути подвига, Леонид Ильич поясняет так: «...Человек делает то, что должен он делать, несмотря ни на что». Склонен считать, что именно с таких позиций описывает Сергей Баруздин и военные подвиги своих персонажей. Особен-

но впечатляют подвиги Алексея Горскова, прошедшего путь от рядового солдата артиллерийской батареи до офицера.

Под Кагарлыксом Алеша был тяжело ранен. В госпитале абхазского приморского поселка Очамчира он пролежал год, восемь месяцев и двенадцать дней. Здесь, в Очамчире, своими глазами увидел он, «как боролись за жизнь не сразу погибшие». Боролись, чтобы доконать озверевшего ненавистного врага. С аттестацией «ограниченно годен» Горсков вновь добился фронта. Новые дела, новые «неброские» подвиги во имя Победы. А потом, уже на венгерской земле, — фашистская бомба. Ранение, опять госпиталь — разбита правая рука. Не поддаваясь уговорам, он дает расписку врачам о своем отказе ампутировать руку. Ведь и на левой у него осталось только два пальца! Что же, конец художнику? Или вовсе конец?

...После полуторачасовой операции (на этот раз в московском военном госпитале) с первыми же признаками вернувшегося сознания Алеша пощупал руку: цела!.. Из госпиталя он вышел на третий день после Победы. Правая рука его, рассказывает автор, была в черной перчатке. Надо все начинать сначала. Но как?

Читатель догадается как. Он знает это из опыта многих героев Отечественной войны. Вспомним хотя бы Маресьева! И уж во всяком случае знает читатель: почетное звание народного художника страны зря не дается...

Повесть «Само собой», так же как и другие произведения, вошедшие в эту книгу, вызывает у читателя серьезные раздумья об уроках жизни.

Григорий КУКЛИС